Нам представляется знаменательным обращение русского историка к польской исторической литературе XV—XVII вв., так как в ней очень остро ставились общеславянские проблемы. Не случайно родоначальник польских хронистов XV в. Ян Длугош, показывая историю Польши во взаимосвязи с другими народами, писал: «Поэтому и я, имея уже седую голову, стал учиться русскому письму, чтобы наша история была более верною».[50]

Несмотря на приверженность католицизму, Матвей Меховский тревожился за судьбы русских, которых «ежегодно татары и турки мучат, полонят и продают в рабство».[51]

В «Хронике всего мира» М. Бельского, изложившего Хронику Б. Ваповского и труд М. Кромера, приводятся мнения о единстве происхождения и судеб славян.[52] Лызлов широко использовал космографию М. Бельского в главах, посвященных истории Турции, особенно статьи «Зачало о турских царех, как зачались турские цари, и о войне турские земли», «О делах турецких и о житии их», «Роспись царствам, сколько под руским царем царств...», «О вере и о молитве турецкой» и т. д.[53]

Обычно исследователи указывали лишь на одну черту польских хроник — их баснословие и ошибки в датах; настало время выяснить историографическую ценность собранного в них материала. Заметим, что среди источников хроник достойное место занимали русские летописцы.

Через посредство этих хроник Лызлов черпал материал из трудов более ранних польских и греко-латинских авторов. Расширение круга источников помогало Лызлову осмыслить место Руси в истории европейских народов, ее роль в борьбе славян против татаро-турецких агрессоров, изучить события в соседних славянских странах.

Привлечение украинской и польской историографии дало возможность Лызлову преодолеть богословско-догматический провиденциализм и сделать шаг в направлении поисков причин происходивших событий в реальных фактах.

Нельзя не отметить, что материалы, собранные А. И. Лызловым, имели отклик в славянских странах. Так, М. Н. Сперанский установил, что хронографический вариант «Повести о взятии Царьграда» в трактовке А. И. Лызлова попал в болгарское издание 1713 г.[54]

Проблемы общественно-политических взглядов А. И. Лызлова, методов его работы, изучение языка его произведения заслуживают особого внимания. Но уже и теперь можно сказать, что использование истории в нравоучительных целях, публицистичность «Скифской истории», обращение ее автора то к читателю, то к правителям, поиски исторических аналогий, широкое понимание общеславянских задач при высоком уровне национального самосознания, а также метод работы с материалом — все это ставило А. И. Лызлова в один ряд с историками славянских стран той поры.

Общность исторических судеб славянских народов, близость их языка и культуры порождали взаимное обогащение в области исторической науки и способствовали их сближению в области политической.

---

[50] И. Первольф. Славяне. Их взаимные отношения и связи, т. II. Варшава, 1888, стр. 101.

[51] Там же, стр. 102.

[52] Там же, стр. 112—116.

[53] ГПБ, Оленин. сист., F. IV. 162, лл. 639 об., 688, 689.

[54] М. Н. Сперанский. Из истории русско-славянских литературных связей, стр. 211 и сл.